

Валерий
Шубинский

СТАРАЯ КНИЖНАЯ ПОЛКА

Секреты
знакомых книг

ДОМ
ДЕТСКОЙ
КНИГИ

Дом детской книги

Валерий Шубинский

**Старая книжная полка.
Секреты знакомых книг**

ИД "Детское время"

2018

Шубинский В. И.

Старая книжная полка. Секреты знакомых книг /
В. И. Шубинский — ИД "Детское время", 2018 — (Дом детской
книги)

ISBN 978-5-6040762-2-4

Книга Валерия Шубинского «Старая книжная полка» выходит в книжной серии «Дом детской книги». Автор ведёт разговор о секретах детских книг (точнее – книг, считающихся детскими), про стоящие за ними взрослые, иногда не очень весёлые истории. Про их тайные, не понятные юным читателям смыслы. Названия разделов книги говорят сами за себя. Раздел первый: «Сказки о сказочниках» – где читатель встретится с Ш. Перро, Д. Дефо, Дж. Свифтом, Э.Т.А. Гофманом, братьями Гримм, А. Погорельским, Г. Х. Андерсеном, Д. Толкином и К. Льюисом и узнает об истории создания их прославленных книг. Один из очерков посвящён подлинной истории создания сказок Пушкина. Раздел второй: «Истории с секретом», где действуют такие герои как А. Толстой, Л. Квитко, Ю. Олеша, А. Бруштейн и персонажи их книг. Самая значительная часть книги, «Невский, 28», рассказывает об истории Госиздата, его детского отдела и детских журналов 20-30-х годов прошлого века. Среди героев этой части К. Чуковский, С. Маршак, Б. Житков и Н. Олейников, Д. Хармс и А. Введенский и многие, многие другие. И наконец, раздел четвёртый: «Я их знал» – об Олеге Григорьеве и Сергее Вольфе, знаменитых ленинградцах конца двадцатого века. Книга адресована не только юным, но и совершенно взрослым читателям. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

ISBN 978-5-6040762-2-4

© Шубинский В. И., 2018
© ИД "Детское время", 2018

Содержание

Предисловие	7
Сказки о сказочниках	9
Академик и Матушка Гусыня. Шарль Перро	10
Шпион и декан. Джонатан Свифт и Даниэль Дефо	23
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Валерий Шубинский
Старая книжная полка.
Секреты знакомых книг

© В. И. Шубинский, текст, 2018

© Д. М. Плаксин, макет, 2018

© Фонд «Дом детской книги», 2018

* * *

Предисловие

Читателю этой книги – так, по крайней мере, кажется мне – лет пятнадцать-шестнадцать. А может быть, и больше. Может быть, и тридцать, и сорок, и семьдесят.

Собственно, от читателя требуются только две вещи: быть взрослым (или почти взрослым) человеком и хорошо помнить детские книги. Поэтому лучше, если он недавно был ребёнком. Или у него есть сыновья и дочери, недавно вышедшие из детского возраста.

Потому что разговор у нас пойдёт про взрослые секреты детских книг. Точнее – книг, считающихся детскими. Про стоящие за ними взрослые, иногда не очень весёлые истории. Про их тайные, не понятные юным читателям смыслы.

Некоторые из этих историй происходили в дальних странах. А многие у нас в России, в Петербурге (Ленинграде), и совсем недавно. Герои одних историй – люди из плоти и крови. В других людей как будто и нет, а есть бродячие образы и сюжеты, живущие своей отдельной жизнью, отражающиеся друг в друге как в зеркалах.

Английский поэт Томас Стернс Элиот как-то сказал фразу, поразившую многих: «Гении крадут». Он имел в виду то, что писатели, наделённые настоящим гением, внимательны к вечным сюжетам, к кочующим образам – и не боятся братья за то, что уже кем-то использовано: ведь у них-то выйдет лучше!

А аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес как-то сказал, что историй во всей мировой литературе всего четыре. Одна – про город, который защищается от врагов, вторая – о поиске тайны, третья – о возвращении путешественника в родные места и последняя – о боге, приносящем себя в жертву. И что всё, написанное людьми, сводится, в конечном счёте, к одной из этих четырёх историй.

Это относится и к «детской», и к «взрослой» литературе. На самом деле граница между ними условна.

Очень многие книги, которые сегодня читаются в основном детьми и подростками, когда-то писались для взрослых. Например, романы Вальтера Скотта и Фенимора Купера. В своё время их читали взрослые люди во всех странах совершенно всерьёз. И, к примеру, Пушкин читал. Но прошло всего несколько десятилетий, и взрослые люди стали стесняться читать

книги, в которых слишком много приключений, слишком мало серьёзных мыслей и достоверных описаний быта. Конечно, они всё равно их читали, но тайком, а покупали эти книги как будто для своих детей. Спустя полвека примерно такая же история была с Жюлем Верном. При жизни писателя его книги покупали взрослые. Тогда люди очень уважали научно-технический прогресс, уважали путешествия, открытия, и читать про это было престижно. Настал двадцатый век, простодушно-оптимистическое отношение к науке и прогрессу ушло в прошлое, авантюризм стали презирать. Но подростки продолжали читать «Детей капитана Гранта» и «Пятнадцатилетнего капитана».

Гораздо чаще бывает так, что у книги есть два смысловых уровня. В тексте, содержащем очень серьёзные и взрослые мысли и предназначенном для взрослых людей, содержится какая-то простая история, понятная и юному читателю. Эту историю извлекают и – в упрощённом виде – издадут для детей. А бывает, что в детскую книгу вкладывается какой-нибудь тайный шифр, который могут понять лишь взрослые. Как правило – только некоторые из взрослых.

Ещё бывает, что писатель просто описывает своё – или чьё-нибудь – детство. Он описывает его не для других детей, а для взрослых. Только вот почему-то взрослые редко перечитывают, к примеру, «Приключения Тома Сойера» Марка Твена. А зря.

Случается и так: замечательный взрослый писатель по разным причинам не может своими «настоящими» произведениями заработать на жизнь. За детскую литературу он берётся как будто по необходимости. Но иногда оказывается, что «детское» и «взрослое» творчество его неразделимо. Что это? Две стороны одной медали. Два лика Януса. Самый яркий пример – Даниил Хармс. Но чтобы по-настоящему понять детского Хармса, надо знать Хармса взрослого.

Детские (или считающиеся детскими) писатели были очень разными людьми. Некоторые – ребячливыми, а некоторые – очень непохожими на детей, мрачными, занудливыми. Добрыми и не очень. Весёлыми и невесёлыми. Верующими и неверующими. Порою даже немного сумасшедшими.

Тем интереснее может стать наша книга о некоторых из них. Только о некоторых.

Валерий Шубинский

Сказки о сказочниках

Сказки о сказочниках

Академик и Матушка Гусыня. Шарль Перро

«Радуюсь своей добыче, он пошёл к королю и попросил его принять. Кота впустили в покои его величества. Войдя туда, он отвесил королю низкий поклон и сказал:

– Вот, государь, кролик. Господин маркиз де Карабас (таким образом вздумалось Коту украсить имя своего хозяина) поручил мне поднести вам этого кролика в подарок.

– Скажи своему барину, – ответил король, – что я благодарю его и очень доволен.

В другой раз Кот запрятался в пшеницу, опять-таки со своим мешком, и когда туда зашли две куропатки – задёрнул верёвочки и взял обеих.

Потом он их отнёс к королю так же, как кролика. Король благосклонно принял куропаток и приказал дать Коту на чай.

Таким образом Кот два или три месяца сряду носил королю дичину от имени своего хозяина».

Слова знакомые, не правда ли? А вот эти?

«Ваше королевское высочество!

Никто не сочтёт странным, что ребёнку приятно было сочинять сказки, составившие это собрание, но удивление вызовет то, что он возымел дерзость преподнести их вам. Однако, ваше королевское высочество, какова бы ни была несоразмерность между простотой этих рассказов и просвещённостью вашего ума, если со вниманием рассмотреть эти сказки, то станет видно, что я не столь достоин порицания, как это может показаться поначалу. Все они полны смысла весьма разумного и раскрывающегося в степени большей или меньшей, смотря по тому, насколько в него вникают читающие. К тому же, поскольку ничто так не отличает истинную широту ума, как его способность подниматься до предметов наиболее великих и в то же время снисходить до самых малых, никого не поразит, что та же принцесса, которой и по характеру своему, и по воспитанию столь близко и привычно всё самое возвышенное, соблаговолит развлекаться подобными безделками...»

«Кот в сапогах», илл. Гюстава Доре

Кот поднёс дичь королю, выдав её за подарок своего хозяина – Маркиза де Карабаса. Восемнадцатилетний Пьер Дарманкур (всё-таки не совсем уже ребёнок) поднёс пять сказок (в том числе эту, про кота в сапогах) королевской племяннице, принцессе Орлеанской (своей, кстати, ровеснице). Кот приписал свои охотничьи трофеи другому. А Пьер выдал за собственное произведение сказки, автором которых, как считается, был всё-таки не совсем он. Во всяком случае, не он один.

А кто ещё? «Шарль Перро», – ответите вы. В самом деле, «Сказки матушки Гусыни» вот уже триста лет повсеместно считаются творением этого писателя. А сам он именно сказками и знаменит. Хотя в своё время...

Для начала поясним: Шарль Перро – отец Пьера Перро Дарманкура. (Сам он и придумал своему сыну такую вторую, аристократически звучащую фамилию). В 1695 году, когда происходила эта история, Шарлю исполнилось 67 лет. По тем временам немало.

Но прежде, чем говорить о Шарле Перро – немного о времени, в которое он жил.

Это была эпоха короля Людовика XIV – четырнадцатого из восемнадцати королей с таким именем, и самого знаменитого. Он прожил семьдесят семь лет, а на престол взошёл пятилетним мальчиком. Он пережил своего единственного законного сына и двух внуков. Несколько поколений подданных успело смениться за годы его правления.

Людовик XIV, гравюра XVII в.

Людовика называли «Король Солнце». Хотя, пожалуй, у людей, давших ему это прозвище, было странное представление о солнце. Едва ли оно похоже на мужчину среднего роста с высокомерным и брюзгливым выражением лица. (Под старость король стал просто уродлив. Особенно на парадных портретах, где он стоит в особенных, вымученно-величественных позах).

Русские послы, которых он принимал, писали домой, что Людовик «смердит, яко дикий зверь». Трудно сказать, был это природный запах (мылись люди в то время нечасто) или слишком сильный, непривычный москвитам аромат духов. (Во всяком случае, никто из подданных Людовика на французском языке написать подобное не осмелился бы).

Ко всему прочему, король довольно рано начал лысеть. Чтобы скрыть это, он начал носить парик. И что же? Все мужчины при дворе Людовика надели парики. А вслед за ними – все мужчины Европы. Ведь французский двор был во всём образцом для подражания. Больше века вся Европа носила парики, потому что один человек облысел! Что до женщин, то в их глазах король Людовик был привлекательнейшим кавалером.

На нынешний взгляд, Людовик-Солнце был довольно средним правителем, и трудно найти у него хотя бы одну приятную человеческую черту. Он был эгоистичен, мелочно-мстителен, завистлив, подозрителен. Но от него исходило особое обаяние – обаяние власти. Он настолько верил в своё право распоряжаться жизнями людей, что заражал других этой верой. К нему относились, как к сошедшему на землю богу – и уже поэтому видели в нём гения, героя, красавца. Совсем не всякому королю удавалось внушить к себе такое отношение.

И всё-таки, пожалуй, одно достойное качество Людовика было: художественный вкус. Творческих дарований у него не водилось (в отличие, кстати, от его отца, Людовика XIII; тот был талантливым композитором и хореографом, «Марлезонский балет», который мы все знаем

по «Трёх мушкетёрах» – его собственное произведение, о чём Дюма упомянуть забыл). Но отличать хорошее от посредственного – в литературе, архитектуре, театре – Король Солнце умел. И покровительствовал достойному. Денег у него на это хватало: суперинтендант финансов Кольбер знал своё дело, налоги в казну поступали исправно.

Европа подражала не только парикам. Трагедии Корнеля и Расина, комедии Мольера, басни Лафонтена надолго стали для европейцев образцом хорошего вкуса. Люди второй половины XVII века вообще мыслили понятием «образца». Для нас великое произведение – то, в котором художник в максимальной степени раскрыл свою индивидуальность, а для них – то, где автору удалось ближе всего приблизиться к некоему эталону, лучше всего исполнить сложные правила. Эталонами служили творения древних римлян и греков. Точнее – то представление об этих творениях, которое существовало в сознании образованных европейцев три – три с половиной века назад. Поэт Никола Буало написал трактат «Поэтическое искусство», в котором задал строгие правила для всех литературных жанров – для трагедии и комедии, для оды и для сатиры. Древние, учил Буало, подражали природе, писатели же нового времени должны подражать древним в их подражании природе. Подражать строгости и благородству их тона, избегать всего вычурного и вульгарного...

Льстивые поданные Ккороля Солнца, люди в тяжёлой и сложной одежде, в пудренных париках, редко моющиеся, но сильно надушенные, совсем не походили на граждан греческого полиса, и даже на римлян времён Августа. Но они очень старались. И, стараясь, создали собственную великую культуру.

Но не всем нравилось самоуничижение перед древностью.

27 января 1687 года на заседании Королевской Академии надписей и медалей (на самом деле она включала писателей, и членство в ней было весьма почётным) попросил слова её бессменный член и секретарь, Шарль Перро, чтобы зачитать свою поэму «Век Людовика Великого», посвящённую выздоровлению короля после тяжёлой болезни.

Николай Буало, гравюра XVII в.

К тому времени король во многом изменился. В сорок пять лет он стал из любителя удовольствий строгим моралистом. Влияние на короля оказала Француз де Ментенон – воспитательница королевских внебрачных детей. После смерти королевы Людовик тайно женился на этой умной и строгой женщине. Пышные развлечения, любовницы – всё осталось в прошлом. Двор стал необыкновенно чопорным и церемонным. Но по-прежнему всё подчинялось воле одного человека. Если раньше деньги тратились на забавы и на искусство, то теперь на войны. Воевать стареющий король не разлюбил. Налоги становились всё выше, а государственный долг – всё необъятнее. Дело Кольбера (уже умершего) пошло прахом. Когда-то дед Людовика, действительно великий Генрих IV, положил конец религиозным войнам, дав всем французам – католикам и гугенотам – свободу вероисповедания. Людовик XIV, став в зрелые годы благочестивым до излишества, приказал гугенотам обратиться в католицизм или покинуть страну. Сотни тысяч образованных и способных людей эмигрировали из Франции в разные страны, в том числе и в Россию.

Но чем хуже шли дела в стране, тем громче хвалили писатели и ораторы короля и его эпоху. А что до Перро, он отважился в своей поэме на неслыханное. Он объявил, что век Людовика выше Древности! Той Древности, которой Буало и другие старались подражать. И науки развились, и стихи сейчас пишут лучше, чем раньше, а уж король Людовик само собой величественнее всех древних героев...

С похвалами в адрес короля академики спорить не могли. Но всё остальное... Буало прервал чтение поэмы словами: «Это позор для Академии! Ей нужна новая эмблема – стадо обезьян, которое смотрит на своё отражение в источнике, с надписью: "Si bi pulchri"¹».

Дело было ещё и в том, что Перро как писателя никто особенно не принимал всерьёз. Он был скорее успешным администратором, пользовавшимся покровительством Кольбера и пускавшим свои связи в ход на общее благо. Культурная политика лучших лет Короля Солнца – во многом его рук дело. Но кто он такой, чтобы спорить с тем же Буало?

А спор завязался. Долгий, на десятилетие с лишним. Только уже совсем в старости Перро и Буало помирились, или почти помирились.

Между прочим, речь шла и о сказке как жанре. Буало считал, что современная ему народная сказка имеет литературный характер, что это – пошедшие в народ сюжеты, восходящие к произведениям средневековых поэтов-трубадуров. А Перро доказывал, что народные сказки действительно созданы народом. Более того, он утверждал, что древний эпос, в том числе поэмы Гомера, основан на народных сказках и легендах, в изустной форме передававшихся из поколения в поколение. (Самое интересное, что правы были оба – отчасти. В истории теории культуры почти не бывает абсолютной правоты и неправоты).

¹ Для самих себя хороши (лат.).

«Ослиная шкура» илл. Гюстава Доре

В соответствии со своими теориями Перро написал несколько сказок в стихах. Первую – «Гризельда» – он сочинил ещё в молодости, но долго не печатал. Из всех сказок Перро эта, может быть, самая страшная, даже чудовищная. И не потому, что там происходят какие-то театральные ужасы.

Сюжет такой: принц-женоненавистник влюбляется в простую пастушку и женится на ней. Но поскольку он всё-таки женоненавистник, то через некоторое время опять берётся за своё и решает «испытать» верность, благонравие и смирение супруги. Сперва он заточает и унижает её. Потом отнимает единственную дочь. Потом лжёт жене о смерти ребёнка. Потом говорит, что собирается развестись с ней и жениться на другой (а роль этой другой играет собственная дочь, не знающая о том, что она дочь...). Гризельда с честью проходит испытания. То есть остаётся смиренной, ласковой и покорной. За что и вознаграждается. В адрес мужа-садиста – ни слова осуждения.

Впрочем, шокирует и «Ослиная шкура», сюжет которой в некоторых деталях совпадает с «Золушкой». Принцесса бежит из дворца и притворяется мерзкой замарашкой, носящей ослиную шкуру, потому что её собственный отец, вдовый король, воспылал к ней страстью.

Шокирует всё это, впрочем, нас. А современники воспринимали такие подробности, видимо, иначе. Жестокость и необузданность правителей не вызывали у них удивления. Конечно, и одобрения не вызывали – но это казалось простительным. А вот за третью стихотворную сказку – «Странные желания» – Перро пришлось перед читателями извиняться: ведь речь там шла о такой вульгарной вещи, как *кровавая колбаса*!

«Что? Колбаса? Помилуйте, родная!
Ведь это ж пошлость! Это стыд!» —
Раздастся тотчас окрик грозный

Жеманницы, во всём серьёзной,
Что об одной любви с восторгом говорит...

Да, сказки проходили по разряду «дамской» словесности, не совсем всё-таки серьёзной. Женщины – за редкими исключениями – не считались способными к восприятию высокоинтеллектуальной литературы, но художественный вкус их ценили высоко. Разумеется, речь шла главным образом о высокородных дамах. Что касается детей, то их мнения никто не спрашивал. Никакой специально детской литературы и не было. Были дидактические сочинения для юношества. Были ещё «подростковые» издания античных классиков – очищенные от непристойностей.

Но вернёмся к стихотворным сказкам. Откуда взял Перро их сюжеты? Частью (вопреки собственным взглядам) из литературных источников. Что-то мог и услышать от «людей из народа». Только от кого? Перро были образованные горожане. Сказки в дома таких людей приносили разве что слуги, няньки, кормилицы...

В 1695 году академик Перро издал свои три стихотворные сказки под общим названием «Сказки матушки Гусыни». И уж название-то это было по-настоящему «народным». Матушка Гусыня – известный персонаж французского (и английского) фольклора. В сказках Перро она не упоминается. Зато слово «гусыня» («L'oie») рассматривалось Буало как одно из вульгарных, не годящихся для литературы. Ах так? Тогда его противник Перро выносит его в название своей книги.

Но это были ещё *не те* «Сказки матушки Гусыни». Над *теми*, впрочем, уже шла работа.

Произошло это случайно. Перро дал сыну Пьеру (которому в то время было пятнадцать или шестнадцать лет) задание: написать, современным языком говоря, сочинение. Продемонстрировать способности к рассказу и пересказу. К удивлению отца, сын записал сказку, которую он когда-то слышал от няни. Перро заинтересовался и попросил писать дальше. Собралась целая тетрадка. Отец отобрал восемь сказок...

«Золушка», илл. Гюстава Доре

Хочется сказать: это и были те сказки Перро, которые мы сейчас знаем. Нет. Не совсем. Тексты, записанные сыном, стали для отца только отправной точкой для работы. Даже после того, как обработанные сказки были преподнесены принцессе, Перро продолжал их переделывать.

Интересно то, что он убирал, что добавлял и что оставлял неизменным.

Например, в народной сказке Золушка бросает соль в огонь, вычёсывая из головы вшей. Эту деталь Перро удаляет. Почему – казалось бы, очевидно, хотя на самом-то деле вши были в то время у всех: и у короля, и у придворных дам. Но писать об этом было «вульгарно». Конечно, Перро совершенствует стиль. Иногда очень тонко перестраивает сюжет: в народной сказке Золушка трижды (магическое сказочное число!) танцует на балу у принца. А у Перро – всего два раза. Достаточно! Красная шапочка девочки, принявшей волка за бабушку – изобретение Перро. Карета-тыква – тоже.

А вот жестокие детали Перро не убирает. Наоборот, добавляет кое-где. Некоторые сюжеты современные дети знают вовсе не по Перро. Дровосеки, спасшие от волка Красную Шапочку (то есть не Красную Шапочку ещё, а просто девочку) были как раз в народной сказке. Перро их убрал. В его варианте сказка заканчивается просто-напросто: «Волк бросился на Красную Шапочку и съел её». В адаптированных для детей изданиях дровосеков вернули, но они извлекают бабушку и внучку уже из волчьей утробы.

«Спящая красавица», илл. Гюстава Дора

Да и «Спящая красавица» у Перро заканчивается вовсе не счастливым пробуждением от поцелуя принца. С этого места начинается совсем другой сюжет: у принца есть матушка из племени людоедов, которая, движимая своим непобедимым инстинктом, хочет съесть невестку и внуков. (Почему она в своё время не съела мужа и сына, не объясняется). Добрый дворецкий спасает бывшую спящую принцессу, но дальше всё оборачивается не так хорошо:

«Людоедка узнала голос королевы и её детей и, в ярости от того, что её обманули, страшным голосом, всех приведшим в трепет, приказала, чтобы завтра же утром посреди двора поставили большой чан, наполненный жабами, ужами, гадюками и другими змеями, и бросили в него королеву с её детьми, дворецкого, его жену и его служанку; она велела, чтобы их привели, связав им руки за спиной.

Они стояли во дворе, и палачи уже готовились бросить их в чан, как вдруг король, которого так скоро не ожидали, въехал верхом во двор; он примчался во весь опор и, весьма удивлённый, спросил, что означает это ужасное зрелище. Никто не смел объяснить ему это, и тут вдруг людоедка, в бешенстве от того, что ей помешали, сама бросилась в чан, вниз головой, и в один миг была сожрана мерзкими тварями, которых она велела туда насажать. Король не мог не огорчиться: ведь это была его мать; но он вскоре утешился со своей прелестной женой и своими детьми».

«Синяя Борода», илл. Гюстава Доре

Все эти ужасы, уходящие в незапамятную древность, не пугали галантных читателей конца XVII века. Они привыкли ко многому. Во Франции, например, вплоть до второй половины следующего столетия практиковались чудовищные по изощрённости публичные казни. А сказки хранили воспоминания о временах не столь уж давних, но ещё более кровавых.

«Красная Шапочка», илл. Гюстава Доре

Вот «Синяя Борода». Подлинная история гораздо страшнее сказочной. Человек, носивший это прозвище (борода у него была чёрной, с синеватым отливом, а волосы на голове намного светлее) – Жиль де Рец (1404–1440), полководец, друг и соратник Жанны д'Арк, книголюб и алхимик. Жиль де Рец обвинили в похищении не то двухсот, не то восьмисот мальчиков и девочек, которых он жестоко пытал, а потом приносил в жертву каким-то демонам во время алхимических опытов – чтобы добыть философский камень и эликсир бессмертия. Показания Жиль де Рец и его слуги дали под пытками. Справедливы или нет обвинения, до сих неизвестно, но ни одного трупа в замке де Рец не нашли. А дети – дети действительно пропадали... Народная легенда превратила кровавого алхимика в обычного brutального многожёнца (кстати, жена у Жиль была всего одна).

Вообще люди той поры жили в мире, который был гораздо ближе к сказочному, чем мир Европы столетием-другим позже. Государствами ещё правили настоящие, всевластные короли. В Европе ещё оставались последние непроходимые леса. Да и с отдельным человеком могли происходить довольно-таки сказочные истории. Перро родился как раз в тот год, когда, если верить Александру Дюма, д'Артаньян и его друзья ездили в Англию за подвесками королевы. Понятно, что это – литературный вымысел, но отнюдь не на ровном месте. Д'Артаньян – историческое лицо. Авантюры, интриги, мятежи, поединки из-за дам, стремительные карьеры – всё это вправду было. Правда, с самим Шарлем Перро ничего похожего, кажется, не случилось. Он – тихий человек где-то на самом краю волшебного мира. Кажется, он хотел по-настоящему сказочной участи для своего сына Пьера.

И ещё: Перро-отец писал сказки не для детей, а для взрослых мужчин и женщин (в основном для женщин). И, например, в той же «Красной Шапочке» речь идёт о вещах вполне взрослых. Волк не случайно заманивает Красную Шапочку именно в кровать. Перро заканчивал каждую сказку стихотворной «моралью». Мораль «Красной Шапочки» была такой:

Детишкам маленьким не без причин
(А уж особенно девицам,
Красавицам и баловницам),
В пути встречая всяческих мужчин,
Нельзя речей коварных слушать, —
Иначе волк их может скушать.
Сказал я: волк! Волков не счесть,
Но между ними есть иные
Плуты, настолько продувные,
Что, сладко источая лесть,
Девичью охраняют честь,
Сопутствуют до дома их прогулкам,
Проводят их бай-бай по тёмным закоулкам...
Но волк, увы, чем кажется скромней,
Тем он всегда лукавей и страшней!

Вторые «Сказки моей матушки Гусыни», подписанные на сей раз Пьером Дарманкуром, а не его отцом, увидели свет в 1697 году, через три года после первой книги. Позднее обе книги были объединены, и все стали печатать за авторством Перро-старшего. Но это произошло уже после смерти отца и сына. А жизнь первому выпала по тем временам долгая, второму – короткая. Планы Шарля Перро частично осуществились. Он надеялся, что принцесса возьмёт Пьера к себе в секретари. Взяла. Но потом...

В том же 1697 году, когда так блистательно началась его литературная карьера, Пьер Перро Дарманкур заколот шпагой своего ровесника. Это не была настоящая дуэль. Перро не были дворянами. Писатель только мечтал о дворянстве для своего сына. Шарль Перро снова использовал свои связи. Сына удалось выгородить. Он отправился на войну и там через два года погиб. Сказка оказалась совсем короткой и печальной. Самого Шарля Перро не стало ещё четыре года спустя, в 1703 году. У него было ещё два сына (жена умерла давно, совсем молодой), но смерть Пьера, младшего, он так и не смог принять.

Как оценивал он, умирая, свою деятельность? Что считал своей главной заслугой? Серьёзные произведения – полемические трактаты, поэмы, послания? Участие в формировании культурной политики Людовика? Или всё-таки сказки?

Так или иначе, Перро удалось то, что удавалось очень немногим писателям. Он создал новый жанр – авторскую литературную сказку. Во Франции появились новые сказочники – в основном сказочницы. Например, Габриэль-Сюзанна Барбо де Вильнёв, написавшая сказку «Красавица и Чудовище», которую тоже иногда по ошибке приписывают Шарлю Перро.

И не только во Франции...

«Сказки матушки Гусыни», начало XIX в.

Шпион и декан. Джонатан Свифт и Даниэль Дефо

Джонатан Свифт

В том же 1685 году, когда по указу Людовика из Франции изгнали протестантов, в Англии произошло немыслимое: королём стал католик, Яков (или Джеймс в английской транскрипции) II.

Реформация в Англии случилась полтора столетия назад по, в сущности, случайной причине: папа отказался разводить короля Генриха VIII с опостылевшей женой. Но с тех пор церковная независимость от Рима стала в Британии своего рода «национальной идеей». Карл (Чарльз) II, правивший с 1660-го по 1685-й год, был сам в глубине души «папистом» (так называли католиков англикане). Но только на смертном одре он втайне сменил веру. Карл помнил, что его отец умер на плахе. Самое большее, что он позволял себе – спорить с парламентом, добивавшимся изгнания католиков. В числе прочих страну должны были покинуть королева, супруга Карла, а также его любовница. Тут королю удалось одержать победу. Но его наследника страна приняла недовольно.

Джейс Скотт, герцог Монмут и Баклу, худ. Ян Вик, XVII в.

Что поделать: законных детей у Карла II не было. А значит, престол должен был занять его брат. Правда, старший из многочисленных бастардов покойного короля, герцог Монмаунт, поднял мятеж против своего дяди и попытался завладеть короной.

Даниэль Дефо

Но мятеж был подавлен. Под Сенджмуром три с половиной тысячи сторонников Монмаунта, вооруженных вилами и косами, были наголову разбиты королевскими войсками. Монмаунт был казнён. Плаха ждала и многих его соратников. Но некоторым удалось уйти. В их числе был двадцатипятилетний молодой человек по имени Даниэль Фо. В то время он звался так. Впоследствии он без всякого права приставил к своей фамилии французское дворянское «де» и превратился в Дефо.

Король Яков даже не думал восстановить католицизм в качестве государственной религии. Он лишь пытался добиться для католиков равноправия: возможности учиться в университетах, занимать государственные должности. Но народ и парламент этого не стерпели. В 1688 году король-католик был свергнут. На престол взошли супруги-соправители: дочь Якова Мария и её муж Вильгельм III, бывший принц Оранский.

(Эти события упомянуты в «Одиссее капитана Блада» Рафаэля Сабатини).

Вообще парадокс тогдашней английской истории в том, что короли пытались облегчить положение меньшинства, а демократические институты им этого сделать не давали. Дискриминация касалась и протестантов других толков – не англикан. (Но их положение было легче, чем у католиков).

Вильгельм III Оранский, худ. Виллем Виссинг, XVII в.

Постоянным собеседником, а иногда и советником умного и удачливого Вильгельма III стал на какое-то время молодой священник Джонатан Свифт. Вот и второй герой нашего очерка на сцене.

Свифт и Дефо и впоследствии были вовлечены в большую политику. Но по-разному. Очень разные они были люди.

Дефо – авантюрист, любитель рискованной игры. За свою семидесятилетнюю жизнь он бывал и богатым купцом, и банкротом, жил во дворцах и в трущобах, служил государству по очень важной и деликатной части – и оказывался в полушаге от тюрьмы. Свифт был погружённым в себя интеллектуалом, учёным англиканским священником; кроме смены приходов, в его жизни не происходило почти ничего серьёзного.

Дефо – неунывающий оптимист. Свифт – глубокий пессимист.

Дефо – «нормальный» счастливый супруг и отец восьмерых детей. Свифта связывали многолетние странные отношения с двумя женщинами, которых он называл «Стелла» и «Ванесса» (на самом деле их звали одинаково – Эстер). Со Стеллой он, по слухам, тайно обвенчался, но жили они раздельно. Детей у Свифта не было.

Даниель Дефо у позорного столба, худ. Айра Кроу

Но было между ними и кое-что общее: оба прославились как политические памфлетисты. В частности, они касались в своих памфлетах актуальной темы религиозной терпимости. В 1702 году Дефо написал, например, памфлет «Простейшее решение проблемы инаковерующих». Написан он был с позиции жестокого и нетерпимого англианина:

«...Достало бы и одного закона, но только строгого и точно соблюдаемого, о том, что всякий посещавший их гнусавые молельни присуждается к изгнанию, а проповедник отправляется на виселицу, и дело было б решено! Диссиденты бы валом повалили в Церковь! Уже при жизни следующего поколения мы стали бы единою церковью...

Не сомневаюсь, что закон и разум возымеют действие! И хоть вначале наши меры могут выглядеть крутыми, уже их дети не ощутят и толики жестокости, ибо с заразой будет наве-

гда покончено! Когда болезнь исцелена, к больному не зовут хирурга! Но, если они будут продолжать упорствовать в грехах и рваться в преисподнюю, пускай весь мир узнает и осудит их упрямство, несовместимое с их собственными принципами».

Памфлет распространялся в списках без подписи. Многие приняли его за чистую монету. Потом догадались, что Дефо (родившийся, кстати, в католической семье и лишь позднее перешедший в англиканство) пародирует позицию своих оппонентов, доводит её до абсурда. Действует как провокатор, одним словом.

Дефо был подвергнут довольно суровому наказанию. Несколько месяцев в тюрьме, огромный штраф – и день у позорного столба на площади. Правда, со столбом всё вышло не так уж скверно. У Дефо были сторонники. Они приносили к позорному столбу цветы. В тюрьме Дефо написал стихотворный «Гимн позорному столбу». А когда он вышел из заключения, началась новая, самая экзотическая глава его биографии...

Свифт тоже написал памфлет на тему свободы вероисповедания. И тоже издевательский. Назывался он «Рассуждение о неудобстве отмены христианства в Англии». Написан он был тоже «под маской» – под маской беспринципного либерала, который и хотел бы отказаться от христианского характера государства, но боится вредных практических последствий. Но что конкретно имелось в виду? Для Свифта «христианство» было синонимом «англиканства». Англия для него перестала бы быть христианской страной, если бы католикам и кальвинистам разрешили при поступлении на государственную службу не давать несовместимую с их верой присягу. Принято считать, что Свифт, как и Дефо, боролся за свободу вероисповедания. Но нет – в этом памфлете он выступал, со всем блеском своего полемического дара, как раз против свободы.

С годами он, правда, поменял свои суждения. Свифт родился в завоёванной англичанами Ирландии, но рано уехал оттуда в Лондон. В 1713 году он вернулся в родные места, получив место декана (настоятеля) главной англиканской церкви Дублина. Большинство ирландцев – католики. И вот Свифт, англичанин, англиканский священник, стал ирландским неформальным национальным лидером. Он возглавил борьбу ирландцев за самоуправление и за религиозные права.

Среди друзей Свифта в эту пору был Александр Поуп, величайший английский поэт своей эпохи. Поуп был католиком, а потому не смог, например, получить университетское образование – осваивал науки самостоятельно. Но уважение, которое вызывал этот маленький горбатый человек, с детства изуродованный болезнью, было таково, что ему прощали даже «неправильную» веру. Свифт писал ему:

«Я всегда ненавидел все нации, профессии и всякого рода сообщества; вся моя любовь обращена к отдельным людям: я ненавижу, например, породу законников, но люблю адвоката *имярек* и судью *имярек*; то же самое относится и к врачам (о собственной профессии говорить не стану), солдатам, англичанам, шотландцам, французам и прочим. Но прежде всего я ненавижу и презираю животное, именуемое человеком, хотя от всего сердца люблю Джона, Питера, Томаса и т. д.».

Чем старше становился Свифт, тем эксцентричнее и независимее он себя вёл. Но всё сходило ему с рук.

Однажды декан решил привести в порядок могилы на местном кладбище. Он написал письма родственникам похороненных с просьбой пожертвовать деньги. В конце письма указывалось, что если денег не поступит, община, так уж и быть, справится сама, но тогда на соответствующей могиле будет выбита надпись, сообщающая о скупости родичей покойника. Среди покоящихся на кладбище был какой-то второстепенный член королевской семьи. Свифт отправил королю Георгу Второму такое же письмо, как и всем остальным. Король не ответил. И на могиле его родственника была сделана надпись, сообщающая, что король поскупился

выделить деньги на ремонт надгробия. Конечно, это было в Англии, где короли были далеко не так всевластны, как на континенте. Но даже для Англии это было дерзостью.

Другой раз Свифт услышал на улице мешавший его занятиям шум. Ему доложили, что народ собрался на площади, чтобы посмотреть на затмение солнца. Он велел передать людям, что декан отменяет затмение. И народ разошёлся.

Дефо в это же время тоже жил яркой жизнью – но совсем в ином роде. Он по-прежнему был одним из влиятельнейших журналистов Англии. Но у него было ещё одно дело. Сидя в заключении, он подал на имя властей проект. Суть заключалась в создании особой службы, занимающейся разведкой, контрразведкой, а также всякими тайными акциями, интригами и диверсиями. Речь шла о той самой Интилледженс Сервис, которая сыграла важную роль в британской истории. Суть, однако, в том, что во времена, когда её создал и возглавил Дефо, эта контора была официально частной. Она финансировалась государством, исполняла волю короля (или королевы – в те годы престол занимала Анна, дочь Якова Второго и свояченица Вильгельма Третьего), но государство не отвечало за её действия. Так же, как когда-то британская корона не отвечала за подвиги служивших ей корсаров (в числе книг, изданных Дефо, между прочим, есть и «Всеобщая история пиратов»).

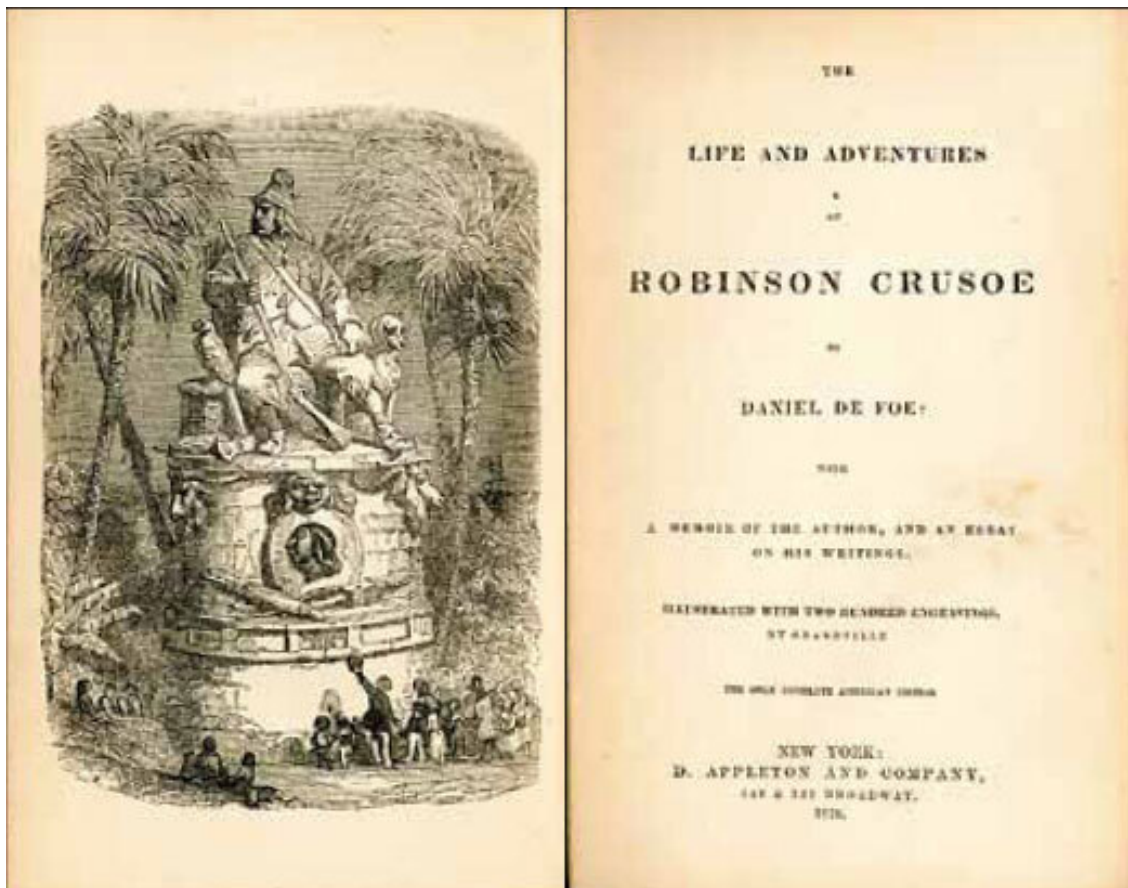
Дефо не был кабинетным начальником, систематизирующим и обрабатывающим отчёты подчинённых. Нет, он и сам разъезжал по Англии, Шотландии и сопредельным странам, переодевался, выдавал себя то за купца, то за священника, то за нищего, сам беседовал с людьми, сам вербовал осведомителей, сам расплачивался с ними.

«У меня есть верные люди во всяком кругу, – писал он курировавшему его работу министру. – И вообще с каждым я говорю на подходящем языке. С купцами советуюсь, не завести ли мне здесь торговлю, как строятся тут корабли и т. п. От юриста мне нужен совет по части приобретения крупной недвижимости и земельного участка. Сегодня вхож я в сношения с одним членом парламента по части стекольной промышленности, а завтра с другим говорю о добыче соли. С бунтовщиками из Глазго я – рыборотговец, с абердинцами – шерстящик, что же касается жителей Перта или западных областей, то мой интерес для них – полотно, а по существу разговора речь всё-таки сводится к унии, и будь я не я, но чего-нибудь всё-таки добьюсь».

(Речь шла об окончательном слиянии Англии и Шотландии – объединении их парламентов, состоявшемся в 1707 году. Шпион Дефо проводил, можно сказать, тайный социологический опрос – выяснял отношение народа к планам властей.)

Если бы Дефо не написал ни строчки, кроме бесчисленных газетных статей, интервью (он, кстати, изобрёл этот жанр) и докладов о разведывательной деятельности, он всё равно остался бы в истории. Но эти его приключения оказались заслонены романами, которые он начал писать очень поздно – примерно в пятьдесят восемь лет. По тем временам уже старость. Но и Свифт опубликовал «Гулливера» в таком же возрасте.

Англия была морской державой. Триста лет назад мир уже был более или менее изучен. Европейцы побывали на всех обитаемых континентах, встречались с людьми всех народов и рас. Постепенно они начали колонизовать дальние земли. Но всё-таки дальние морские плаванья ещё несли в себе тайну. О них можно было фантазировать – так, как писатели XX века фантазировали о полётах к звёздам. Можно было слагать о них сказки – добрые и злые, весёлые и грустные.

«Робинзон Крузо», издание 1879 г., худ. Жан Гранвиль

Другое дело, что Дефо очень возмутился бы, если бы его назвали «сказочником». Он не хотел считаться выдумщиком, хотя, конечно же, был им. Опытный «журналиста», он выдавал свои романы за документальные книги из жизни действительно существовавших людей. Такие люди, как, например, «полковник Джек» или женщина по имени Моль Флендерс, герои известных романов Дефо, в самом деле могли существовать: неунывающие плебеи-авантюристы без особых принципов, но доброжелательные и разумные, такие же, как их автор.

Илл. к «Робинзону Крузо», худ. Н. С. Уайт

Но самая знаменитая книга Дефо, «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо», это совсем другое дело. Это – героическая сага о сильном и неутомимом европейце, который несёт всю цивилизацию в себе и может постепенно воссоздать её в одиночку на ровном месте. Стать охотником, потом скотоводом, потом земледельцем, приобщить к просвещению и культуре дикаря (притом сделав его своим слугой), наконец, основать государство. Робинзон – это подобие Гильгамеша, героя древнейшего сохранившегося эпоса. Он ровня Гераклу и Самсону, Ахиллу и Одиссею. И он – обычный англичанин своего времени. Конечно, идеализированный.

Тем интереснее те черты личности Робинзона, которые Дефо и не думает «улучшать» или затушёвывать, и которые для нас, отделённых от писателя и героя всего тремя веками (ровно тремя веками: книга вышла в 1719 году), выглядят дико. Например, арабского мальчика, который вызволил Робинзона из плена, тот... продаёт в рабство. Конечно, всего на десять лет (интересно, кто будет следить за выполнением этого условия?). И с его согласия. Но всё равно Робинзон немного стесняется этого поступка, испытывает некоторое неудобство. Вслед за этим он берётся участвовать в выгоднейшем предприятии – продаже невольников из Гвинеи в американские колонии. И тут уж – никаких угрызений совести!

В Англии рабов, конечно, не было со времён Римской империи. И крепостные получили свободу ещё в XV веке. Но за пределами Британии действовали совсем другие правила. У многих англичан и ирландцев не было денег на переезд в американские колонии – и они продавали свою свободу на год, на пять или десять лет. А уж «дикари», как считалось, самой природой созданы для рабства. Это не было даже предметом рефлексии.

Хижина Селькира на острове Мас-а-Тьерра (сейчас остров Робинзон-Крузо)

Но была ли в истории Робинзона документальная основа?

И да и нет. Прототипом Робинзона считается Александр Селькирк. Этот человек был матросом на корабле, который входил во флотилию под командой сэра Уильяма Дампира, личности весьма оригинальной: знаменитого флибустьера и притом заслуженного учёного-океанолога. Селькирк не поладил с капитаном своего корабля. Наверное, не без причины: Дампир мучил своих пиратов, заставляя в свободное от грабежей время заниматься научными измерениями и экспериментами. В конце концов капитан высадил Селькирка на остров близ американских берегов, который нынче зовётся островом Робинзона Крузо. Это произошло в 1704 году.

Прожил Селькирк там, правда, не двадцать восемь лет (это уж гипербола Дефо), а всего пять. Действительно охотился на диких коз, но не приручил их, как Робинзон. Так же, как у Робинзона, у него были непростые отношения с прибывшими на остров испанскими моряками. Селькирк испугался, что с ним, как бывшим корсаром, капером, участником пиратской войны без правил, могут расправиться, и предпочёл спрятаться – стал дожидаться своих соотечественников.

«Приключения Гулливера», Париж, 1838, худ. Жан Гранвиль

Когда, одетого в козы шкуры, одичавшего Селькирка доставили на английское судно (тоже пиратское), он увидел там... Дампира. Селькирка охватил ужас, и он не хотел выходить из шлюпки. Но ему объяснили, что экспедицией на сей раз командует другой человек. А учёный пират, смилостивившись, дал своему мятежному подчинённому хорошие рекомендации... Так что капитан Роджерс не только пустил островитянина на судно, но и назначил своим помощником. Вместе с ним Селькирк, грабя испанские галеоны, обошёл вокруг света и вернулся в Англию.

Селькирк не был благородным джентльменом, и в эпические герои не годился. Обычный грубый моряк, любитель виски и невзыскательных женщин. Но рассказчиком он был хорошим, поболтать за рюмкой про свои приключения на острове любил. И, конечно, его рассказы не могли пройти мимо старого газетчика и шпиона.

Успех книги вдохновил Дефо на продолжение работы.

В романе «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо», неутомимый старый путешественник в обществе Пятницы отправляется в Китай, а возвращается оттуда сухим путём – через Сибирь и Европейскую Россию. Русские изображены с симпатией (Англия и Россия были тогда союзниками), дикие сибирские дебри – не без ужаса, но с искренним интересом. И даже, что называется, «развесистой клюквы» немного: Дефо был хорошим журналистом, умел рабо-

тать с материалом и отсеивать недостоверное. Но особого художественного интереса книга не представляет: это скорее заметки на полях «настоящего» Робинзона.

К 1726 году литературная деятельность Дефо по существу завершилась. И именно в этом году появились «Путешествия в некоторые удалённые страны мира в четырёх частях: сочинение Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а затем капитана нескольких кораблей».

Свифт, в отличие от Дефо, не выдавал свой вымысел за чистую монету. Он давал волю фантазии и приглашал читателей наслаждаться этой фантазией. Но его миры подчинены строжайшему математическому расчёту. Например, в мире лилипутов всё (в одном измерении) ровно в двенадцать раз меньше, чем в нашем, а в мире великанов – во столько же раз больше.

«Гулливер в стране лилипутов», худ. Жан Гранвиль

Давайте проверим. Рост лилипута – шесть дюймов, то есть немногим больше пятнадцати сантиметров. Умножим на двенадцать – получаем 180 сантиметров. Сейчас это средний мужской рост на севере Европы, а во времена Свифта – высокий, но не чрезмерно высокий. Длина большого корабля – 9 футов (2 метра 70 сантиметров). Умножим на двенадцать – получаем около 30 метров. Примерно такой и была длина линейного корабля в XVIII веке (хотя бывали суда и по 40, и по 50 метров). Буква человеческого алфавита, напечатанная в книге, составляет в высоту половину ладони лилипута. Если считать высоту буквы в семь миллиметров (средняя величина для тогдашних книг), получится, что лилипутская ладонь в длину 1,4 сантиметра, а человеческая – где-то 17–18 сантиметров. Так и есть. Наконец, на содержание Гулливера выделяется провизия в количестве, достаточном для 1 728 туземцев. Нетрудно сосчитать, что это ровно 12 в кубе (Гулливер же трёхмерный). Теперь – Бробдинггег, страна великанов. Трава там высотой 20 футов (60 сантиметров). У нас – сантиметров пять. Каждая ступенька на лест-

нице – 6 футов. Умножим на тридцать, делим на двенадцать – получаем пятнадцать сантиметров, для ступеньки «человеческой» лестницы – как раз...

«Гулливер. Путешествие в Бробдингней», худ. Т. Мортен

Свифту важно разрушить систему представлений, при которой человек каков он есть – центр и мерило мира. Нет, мир может быть бесконечно малым и бесконечно большим. «Быть может, судьбе угодно будет устроить так, что и лилипутам придётся встретить людей, таких же маленьких по сравнению с ними, как они малы по сравнению со мной. И кто знает – может быть, в какой-то отдалённой части света существует порода смертных, превышающих даже этих великанов». Если в нашем мире люди – разумные существа, а лошади – бессловесные твари, то в другом – наоборот...

Но чего в свифтовском мире нет – это симметрии. Да, мир лилипутов меньше нашего, но не так уж от него отличается. Войны, фанатизм, жадность, самоуверенные короли, коварные министры... Некоторые вещи окарикатурены, полемически обострены. Понятно, например, что конфликт остроконечников и тупоконечников – пародия на богословские споры, в которых сам Свифт прежде с удовольствием участвовал. Или что соревнования министров в прыжках – аллегорическое изображение парламентских выборов.

«Гулливер. Путешествие в Лапуту», худ. Жан Гранвиль

А вот мир великанов на наш не похож. Это разумный, гармоничный мир. Но на чём основана его гармония? Броддинггег – общество тотального упрощения.

«Здесь изучают только мораль, поэзию и математику... Математика здесь имеет чисто практический характер. Её основной задачей является усовершенствование земледелия и разных отраслей техники. Вполне понятно, что у нас она получила бы невысокую оценку. Что же касается отвлечённых идей и всяких философских тонкостей, то я напрасно старался дать им хоть малейшее понятие об этих вещах.

Еху тащат снопы для высших лошадоподобных существ (гуингнмов), худ. Луи Джон Рхэд

В этой стране ни один закон не может заключать в себе больше слов, чем имеется букв в алфавите, а букв всего двадцать две. Но даже такой длины достигают только очень немногие законы. Все они составлены в самых ясных и простых выражениях. Надо ещё добавить, что эти люди не отличаются такой изворотливостью ума, чтобы открывать в законе несколько смыслов, а сочинять толкования на законы считается у них большим преступлением».

Всего через три года после появления «Гулливера» русский поэт Антиох Кантемир написал сатиру «На хулящих учения», где темпераментно высмеивал людей, отвергающих утилитарно-бесполезные знания. «Землю в четверти делить без Евклида смыслим, сколько копеек в рубле, без алгебры счислим». В России был дефицит «учения», а англичанин Свифт чувствовал себя пресыщенным им. Ведь несметное множество книг не сделало людей счастливыми, а общество гармоничным. Обитатели летающего острова Лапута, погружённые в математические абстракции, Академия прожектёров в Лагадо – всё это вызывает у него лишь насмешки. Все улучшения, которые может придумать человеческий разум, сводятся к абсурдным идеям строить дом, начиная с крыши, или добывать солнечный свет из огурцов.

Но и та разумная и простая жизнь, которой живут гуингмы и великаны, для нас невозможна. Ведь «существо, именуемое человеком» несёт в себе проклятие. Конь прекрасен и благороден и в качестве разумного гуингма, и в облики животного. А мерзкое существо «еху», даже одарённое разумом, всё равно остаётся злобным и жадным...

Удивительная вещь: мало кто знал о человеческой природе больше дурного, чем шпион и газетчик Дефо – а между тем как писатель он склонен любить и уважать человека. А Свифт, священник – человеческую природу ненавидит и презирает (хотя «от всего сердца любит Джона, Питера, Томаса и т. д.»). Может быть, потому, что предъявляет к человеку и к обществу более высокие требования. А может быть, такой глаз был дан ему природой: во всём видящий тёмную, оборотную сторону. И удивительно падкий на всё смешное и странное...

Под конец жизни (а прожил он 78 лет – по тем временам очень много) Свифт впал в чёрную меланхолию. Ни с кем не хотел видиться, почти не разговаривал... Своё состояние он завещал дому умалишённых. Этот грустный конец тоже можно превратить в сказку (и она

написана писателем Григорием Гориным – его пьеса «Дом, который построил Свифт» идёт во многих театрах).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.